

На следующее утро в камере раздался звук открывающейся двери.

Услышав его, Юн Линь сразу сел в постели. Юн Шань же спокойно лежал, прикрыв глаза, и только после того, как в камеру в сопровождении нескольких исполнителей порядка вошёл Мэнь Ци, юноша медленно поднялся, сохраняя спокойствие, и непринуждённо проговорил:

— Хотите вызвать заключённого на допрос?

Мэнь Ци ответил:

— Верно.

Поднявшись с постели и надев сапоги, Юн Шань выпрямил стройное тело и, неторопливо разгладив складки на платье, обратился к мужчине:

— Прикажите принести немного свежей воды, я хочу умыться. — Наследный принц сделал паузу, а затем мягко проговорил: — Не обязательно нести чистую воду, остатки снега, что лежит снаружи, тоже подойдут.

Мэнь Ци незаметно удивился.

Из большого императорского дворца ежегодно заключению во Дворец Наказаний подвергалось множество попавших в беду родичей и свойственников императора, которые в обычные дни были величественны и способны одним топотом сотрясти пол и стены. Однако те, кто попадал сюда, либо трепетали всем сердцем, либо, оставшись без средств к существованию, падали духом и дрожа просили пощады. Одни были сильны лишь внешне, но слабы внутри, гневно орали, рычали и проклинали всех и вся, но часто встречались и те, кто терял самообладание.

Только этот заключённый во Дворце Наказаний наследный принц, которому только исполнилось шестнадцать, неожиданно с равнодушием приняв как милость, так и бесчестье, вёл себя крайне спокойно и вынужденно покорялся.

Такой холодности, остроты ума, к тому же бросающейся в глаза огромной гнетущей силы сложно было увидеть в других сынах императора.

— Ваше Высочество хоть и заперт здесь, но всё же является сыном императора. Как мы посмеём не принести даже чистой воды? Это Ваш слуга не досмотрел, — проговорил Мэнь Ци без высокомерия и заискивания. — Сию же минуту отправлю слуг за водой.

Обернувшись и обратившись к одному исполнителю порядка, мужчина приказал:

— Чего ты стоишь как вкопанный и не торопишься принести воды? Да ещё и чистые полотенца,

вода нужна горячая. Живее!

Слуга спешно бросился исполнять приказ и вскоре принёс в руках таз с горячей водой и пару чистых полотенец на плече. Поскольку у мужчины руки были заняты, он позвал ещё одного человека, который шёл позади, помогая нести вещи для полоскания рта.

Мэнь Ци и другие слуги отошли в сторону и стали ждать.

Увидев, что Юн Шань и Юн Линь помыли лицо и руки, прополоскали рты и освежились, мужчина вновь подошёл к ним:

— Раз уж Ваше Высочество умылся и привёл себя в порядок, прошу, идёмте.

Наследный принц кивнул и вместе с братом под охраной людей Мэнь Ци покинул камеру.

Юн Шаню здесь всё было знакомо, и когда Мэнь Ци свернул вправо, юноша уже понял, что его ведут в комнату допроса, которая была во Дворце Наказаний.

Чтобы попасть туда, нужно было пройти через тёмный коридор.

В тот день, когда Юн Ци вернулся под конвоем в столицу и его отправили во Дворец Наказаний для допроса, именно по этому длинному и гнетущему коридору он вошёл в комнату допроса, где и встретился с ожидавшим его Юн Шанем.

Юн Ци испытывал те же чувства, что и он сейчас?

Наследник престола шёл по коридору, а в голове теснились мысли, которые он не в силах был прогнать.

Юноша, против воли укравший письмо, к тому же спаливший его, юноша, схвативший и бросивший его, Юн Шаня, во Дворец Наказаний, юноша, которого стошнило кровью, что окрасила алым белые простыни, в конце концов, как он?

Осмотрел ли его придворный лекарь?

Какое лекарство он ему прописал?

Сейчас возникало множество неприятностей, что Юн Шань уже не знал, о чём думать, что чувствовать и вспоминать.

Он должен злиться или ненавидеть. По крайней мере он должен быть как Юн Линь,

недоумевать и, взглянув на старшего брата, спросить: «Зачем ты так сделал? Ты ненавидишь меня?»

Вот только он совершенно не хотел этого делать.

Смотря на содеянное Юн Ци, Юн Шань не допускал и мысли, чтобы узнать, почему старший брат так поступил и ненавидит ли он его.

При других обстоятельствах он принял, что так и должно быть.

Он давно знал.

Наложница Шу с самого начала предупреждала, что старший брат может вонзить в него нож.

Из-за промедления он получил удар — воздаяние по заслугам.

Юн Линь считал, что должен ненавидеть Юн Ци, ведь он со зла отправил его в это место.

Он не сожалел.

Юн Шань прекрасно понимал, что лишь он сам со зла отправил себя в это место.

Юноша только беспокоился о Юн Ци.

Старший брат без его заботы может быть... несчастен?

— Их Высочества Юн Шань и Юн Линь прибыли, — доложил впереди раздавшийся голос, проникая в барабанные перепонки.

С усилием прогнав мысли, что роились в его голове, Юн Шань поднял голову и, взглянув на горящее пламя, что отбрасывало тень на белой стене в конце коридора, гордо направился вперёд.

Войдя в комнату допроса, юноша обвёл её острым взглядом, ясно подмечая всё, что было там.

В помещении всё было по-старому: большая железная печка горела огненно-красным, на стене висели вгоняющие в дрожь от одного своего вида разнообразные орудия пыток, перед ступенями стояли стул и стол, ну и, конечно, кресло, где сидел человек, ведущий допрос.

Единственное отличие было в том, что тот, кто сидел наверху и допрашивал, сейчас оказался

внизу и стал тем, кого допрашивали. А тем, кто вёл допрос, был...

— Старший брат хорошо выглядит. Его вчера заперли во Дворце Наказаний, а приподнятое настроение ничуть не изменилось. — Юн Шэн сидел наверху, холодно усмехаясь.

Возмутительно!

Он вчера перед лицом императора крутился как белка в колесе, отпуская всякого рода лестные слова, и наконец получил разрешение отца-императора, который объявил приказ, позволив ему вести допрос Юн Шаня. Юноша был так взволнован, что не смог сомкнуть глаз и всю ночь проворочался с боку на бок. А сегодня рано утром, взяв высочайший указ, юноша примчался во Дворец Наказаний, рассчитывая избить упавшую в воду собаку [1] и убрать с дороги этого Юн Шаня, что мешал ему занять место наследного принца.

Вопреки ожиданиям, преступник в сравнении с главным чиновником выглядел величественнее.

Юн Шэн достаточно долго пробыл там, ожидая, пока приведут двух близнецов. Но дело было не только в этом. Юн Шань не пал духом, а был всё ещё пронзительно холодным и спокойным, как всегда; тиара в полном порядке, одежда не помята, взгляд чуть скошен, обеспокоенности не было и в помине, а сам юноша, как обычно, держался ниже Единственного, но выше тьмы [2], высокомерно и равнодушно, словно презрительно смотря на всех.

Юн Шэн был удивлён и в то же время рассержен.

С силой подавив в душе ненависть и зависть, юноша для отвода глаз вздохнул:

— Старшему брату не нужно меня обвинять. Всё это по воле отца-императора. Я же, младший брат, в душе тебе очень сочувствую. Кто бы мог предвидеть, что мы, всегда жившие в дружбе, сегодня внезапно окажемся здесь и что я буду допрашивать тебя? Но старший брат не должен волноваться, как только старший брат честно и откровенно сознается в преступлении, я несомненно попрошу отца-императора помиловать старшего брата. Только...

Юн Шэн сделал паузу и, притворно улыбнувшись до боли в щеках, несколько поменял тон:

— Чтобы отец-император пощадил тебя, необходимо быть полностью откровенным. Если старший брат письменно не признает свою вину, то я, согласно указу, вынужден буду допрашивать по всей строгости.

Как только Юн Линь увидел его победоносный вид, разгневался и, плюнув на пол, сказал:

— Юн Шэн! Ты принимаешь куриное перо за стрелу [3]? Тело моего старшего брата стоит прямо и не боится кривой тени[4]. На его совести нет никакого преступления, тебе не посадить

его подкупом!

— Князь Цзянчжун, ведите себя прилично! — Юн Шэн, изменившись в лице, взял лежащий на столе молоток и стукнул им. Звук разнёсся по всей комнате.

Свет огня и стена, усыпанная орудиями пыток, заставляли дыхание участиться.

Юн Шэн холодно проговорил:

— Юн Линь, не будь таким самодовольным, ведь отец-император заключил тебя сюда, чтобы преподать тебе урок. Иначе зачем ты явился на допрос Юн Шаня? Это всё милосердие отца-императора. Он надеялся, что ты, посмотрев со стороны, хоть немного испугаешься, а позднее познаешь и исправишь свои ошибки. Отойди подальше от меня и не смей открывать рот. Если ещё раз осмелишься сорвать допрос, я, невзирая на братскую любовь, позову слуг, чтобы они проучили тебя.

— Тьфу! Как ты, дрянь, сможешь проучить меня? Замыслы Сыма Чжао известны всем и каждому [5]! Ты заришься на титул моего старшего брата! — Юн Линь, не боящийся небесного государя, разорвал на груди верхнее платье, обнажая шубку тигрёнка, и прокричал, обращаясь к юноше: — Юн Шэн, внутри твоего третьего старшего брата бьётся жаркое сердце и течёт красная кровь. Думаешь, во время допроса подвернётся случай навредить моему старшему брату? Ладно! Но сначала четвертуй меня! Осмелишься? Осмелишься?

Он занимал положение принца, и Огненный император Янь-ди души в нём не чаял. Постоянно непослушный и затевающий скандалы, никогда не подвергавшийся никаким наказаниям, сейчас он был арестован и отправлен во Дворец Наказаний и, сдерживая охвативший душу гнев, не готов был проявлять свой истинный характер.

Такие крики и шум внезапно озадачили слуг Дворца Наказаний. Смотря на Юн Линя, который ругал ведущего допрос на чём свет стоит, и на стоящего рядом с юношей, пропускающего всё мимо ушей и совершенно спокойного Юн Шаня, никто из слуг не осмелился подойти к третьему принцу. Все лишь ожидали дальнейших распоряжений от смутившегося Юн Шэна.

Последний ни с того ни с сего разозлился.

Юн Шань уже во Дворце Наказаний, и Юн Линь тоже подвергся заключению, однако хоть братья-близнецы и были в беде, они всё ещё не были упавшими в воду собаками [6]; чтобы третировать их, как ему захочется, Юн Шэн в душе обдумывал план: сначала — милость, потом — война [7]. Какие угрозы и посулы использовать? И если нельзя сразу прибегнуть к наказанию, то нужно во всяком случае воспользоваться несколькими приёмами, чтобы Юн Шань осознал всю серьёзность преступления. Необходимо одним пинком толкнуть этого Юн Шаня, наследника престола, в пропасть, чтобы он оттуда больше не выбрался. К тому же не стоило оставлять после себя следы, чтобы никто чужой не заподозрил скрытые намерения этого младшего, не признающего родства, брата.

Неожиданно этот подлец Юн Линь, который с виду был глуп, однако это было далеко не так, своими выкриками разрушил все мысли, роящиеся в голове младшего брата. Кроме того, он осмелился смотреть на него вызывающе, да так, что серьёзный допрос мгновенно превратился в один сплошной фарс.

Окинув всех взглядом, Юн Шэн заметил: караульные у входа, прислуга Дворца Наказаний, стоящие в стороне придворные — все они тихо смотрели с насмешкой, словно наблюдали за хорошим представлением. Выгляда потехой в их глазах, юноша, не зная, на кого именно излить свой гнев, схватил молоток и изо всех сил ударил по столу.

Бац!

Юн Шэн холодно проговорил:

— Эй, кто-нибудь, схватите Юн Линя и свяжите его! Он проигнорировал волю отца-императора и сорвал допрос. Сначала накажите его тридцатью ударами палкой. Пускай он придёт в себя!

Слуги в тюрьме были опытные, одно слово — и тотчас же с левой и правой стороны вышли по три охранника. В итоге шесть человек окружили Юн Линя.

В этот момент, когда охрана уже готова была исполнить приказ, раздался голос:

— Стойте!

Позади Юн Шэна появился мужчина, облачённый в парадную одежду, что носят чиновники пятого ранга.

Этот человек с худыми щеками не был старым, ему, пожалуй, было двадцать пять — двадцать шесть лет от роду, однако взгляд его был одухотворённым. Остановив охрану, мужчина вышел вперёд, сначала поклонился Юн Шэну, соблюдая правила приличия, а затем выпрямился и произнёс:

— Согласно воле императора, Ваше Высочество должен лишь допросить наследного принца по делу Гун Ухуэя. Его Величество к тому же не хотел, чтобы Ваше Высочество допрашивал и князя Цзянчжуна. Ваше Высочество без причины хочет наказать его, это выглядит неподобающе.

Стоящий в стороне наследник престола внимательно пригляделся и узнал в этом человеке недавно перешедшего в Министерство наказаний Сюань Хуниня. Поначалу он служил чиновником в столице и поскольку являлся человеком справедливым, неподкупным и умевшим говорить прямо, то недавно императорский двор выдвинул его кандидатуру на должность чиновника Министерства наказаний, а всё тот же Юн Шань одобрил его, подписав указ.

Поначалу, когда мужчина только вступил в должность, юноша в спешке ознакомился с одной положительной стороной, не вдаваясь в подробности, поэтому неизвестно, каким на самом деле был этот человек.

Однако наследный принц не ожидал встретиться с ним здесь.

Неужели отец-император приказал ему прийти сюда, чтобы посмотреть, как Юн Шэн ведёт допрос?

— Без причины подвергаю наказанию? — со злостью спросил юноша. — Юн Линь намеренно затеял скандал, я лишь хотел выпороть его, чтобы проучить. Что в этом такого?

— Сын императора — это золотые ветви и яшмовые листья. Кто смеет без высочайшего указа причинять ему вред? — отчеканил Сюань Хунинь, подняв голову и смотря на Юн Шэна. — В высочайшем указе написано, что князь Цзянчжун должен наблюдать со стороны, а это означает, что он не является объектом допроса Вашего Высочества. Также Вашему Высочеству непозволительно подвергать этого заключённого телесному наказанию в целях воспитания. Подчинённый получил указ быть заседателем. Но если Ваше Высочество будет придерживаться своего мнения и накажет князя Цзянчжуна, то подчинённый, движимый справедливостью, сразу же попросит аудиенции у императора и доложит о случившемся, дабы Его Величество принял решение.

Юн Шань не ошибся.

Сюань Хунинь действительно прибыл сюда по приказу Огненного императора Янь-ди в качестве наблюдателя.

Юн Шэн от этого мелкого пятого чиновника был разгневан до дрожи в пальцах и свирепо уставился на серьёзно относящегося даже к речам и смеху [8] мужчину. Сейчас Юн Шань лишь подвергся притеснению, а его самого ещё официально не возвели в ранг нового наследного принца, так что действовать слишком безрассудно не следовало, более того, нельзя было терять расположение отца-императора, поэтому юноша только и мог, что терпеть.

— Хорошо, будь по-вашему, — холодно фыркнул Юн Шэн. — Эй, кто-нибудь, оттащите Юн Линя, пусть наблюдает со стороны.

Вновь взявшись за молоток, юноша ударил по столу.

Бац!

Скорчив мину человека, ведущего допрос, Юн Шэн высокомерно посмотрел на стоящего внизу старшего брата:

— Юн Шань, я получил указ допросить тебя. Что бы я ни спросил, ты честно всё расскажешь. Понял? — Юн Шань слегка улыбнулся: — Спрашивай. — Чем спокойнее был юноша, тем неприятнее было Юн Шэну.

— Юн Шань, ты свёл в могилу Гун Ухуэя?

— Нет.

— Держал ли ты какую-нибудь обиду на Гун Ухуэя?

— Нет.

— Вздор! — равнодушно крикнул Юн Шэн. — Гун Ухуэй мешал наложнице Шу возвестись в ранг императрицы, препятствовал великому делу Вашей матери и сыновьям. Неужели ты в душе ничего не имел против? Нисколько не сетовал?

— Должен ли я обращать на это внимание и сетовать?

— Неужели не должен?

— Конечно нет. — Юн Шань выпрямился во весь рост и неожиданно свободно и неторопливо проговорил: — Кого возвести в ранг императрицы, решает только отец-император. Если бы Его Величество захотел это сделать, то протесты всех чиновников не возымели бы никакого эффекта, что уж говорить о каком-то мелком секретаре. И раз это дело Гун Ухуэя не является препятствием, так как он сам захотел написать доклад отцу-императору, какое я к этому имею отношение? Мне не стоит ненавидеть его.

Примечания:

[1] Обр. в знач.: бить лежачего. А так же это выражение является 22-ой стратагемой.

[2] Кит. поговорка: «Единственный - император, тьма - десять тысяч» (вторая часть говорит о подчинённых или образно о первом министре).

[3] Обр. в знач.: принимать случайные слова авторитетного лица за руководство к действию.

[4] Обр. в знач.: порядочный человек не боится клеветы.

[5] Обр. в знач.: всем известная тайна. Значение идиомы связано с китайским военачальником и регентом царства Вэй эпохи Троецарствия Сыма Чжао (211-265), чьи военные амбиции по захвату трона были известны всем.

[6] Обр. в знач.: попавший в беду негодяй.

[7] Обр. в знач.: не добром — так силой; не милостью — так кнутом.

[8] Обр. в знач.: быть серьёзным, не смеяться и не болтать попусту.

<http://bllate.org/book/13372/1189611>